

Он долго смотрел на нее, на эту пустоту, где когда-то были мечты. Нет, его родители не погибли в автокатастрофе, но и они не пришли бы забрать его домой. Не смогли бы спасти. Через мгновение он поднял плечи, словно отбрасывая груз. Он по-прежнему был один, и ничего не изменилось. Нет, это было неправильно. Он изменился. Неосознанно ранил часть того существа, которое напало на его семью. И они не распались, не сдались, просто потому что у них не было выбора. Он был Гарри Поттером, сыном Джеймса и Лили, и, клянусь Богом, он должен был стать тем, кем они могли бы гордиться. Взмахнув рукой, он заполнил комнату цветами лилий. Серые воспоминания о последних часах родителей превратились в надгробие, под каждым изображением на стене появились их имена. Гарри будет гордиться ими, и первый шаг к этому – стать целым и исцеленным. Поднявшись по лестнице с красным ковром, он запечатал комнату. После того как он очистит свой мир, он обыщет самые старые облака, где, возможно, сохранились другие воспоминания. Но пока он должен был работать. Восстановление неба было простым, хотя и утомительным делом. Лежа на зеленой траве, он уставился в голубое небо, стараясь не обращать внимания на дыры и ямы. Убрать сломанный дерн и траву было несложно, но, видимо, взрыв трупа испарил большой участок земли. Такой вид повреждений также не подлежал изменению. Он почти охладил центр своего тела. Дрожа, Гарри едва шевелил нитями. Зажило лишь несколько дюймов ямы. Он думал об увиденном осадке, о чистой ненависти. Как-то неправильно было позволять ей впитываться в эту землю. А как насчет обратного? Он протянул руку и почувствовал ее. Тепло снова наполнило его, и он прижал руку к ямке, представляя себе всю эту мягкость, тепло, чистое тепло, исходящее от его руки. Глаза его медленно открылись, и он начал засыпать, убаюканный ощущением этого глубокого мягкого тепла. Что-то золотистое и прозрачное капало с его правой руки, медленно стекая в яму. Казалось, жидкость размягчает края ямы и прокладывает себе путь вниз. Не успев среагировать, он уснул. Эмоциональное напряжение, умственное напряжение, связанное с управлением шнурами и нитями, кайф от того, что у него есть безопасное место для сна с едой и водой, – все это заставило его погрузиться в настоящий сон, а не в этот мысленный мир. Когда он проснулся, мягкий ветер трепал его волосы. Он все еще находился в своем бодрствующем сознании, вытянув руку, погруженный в...? погруженный? Он широко раскрыл глаза и с удивлением уставился на золотой пруд. Дно, казалось, искрилось серебряными камешками и крошечными золотыми бусинками, а по краям шла рябь от любопытства и веселья. Сама жидкость была кристально чистой и мягко светилась в небо. Края почвы опускались в жидкость, заполняя трещины на дне и создавая естественный пляж вдоль края земли. Гарри был слишком очарован светом, чтобы улыбаться. Его рука погрузилась в жидкость. Она не была маслянистой, она была такой легкой, что почти не ощущалась как вода. По телу разлилось тепло, и тело почти умоляло его войти в пруд. Осторожно он протянул руку с зеленой нитью и погрузил ее в бассейн. МУДРОСТЬ, ЛЮБОВЬ, ДОБРОТА, МИЛОСЕРДИЕ. Он был ошеломлен. Она не была связана ни с какими воспоминаниями, она просто была похожа на мать Красной женщины. Он не мог сдержать улыбки, и слезы текли сами собой. Он плавно встал и направился к бассейну. Даже когда вода омывала его тело, Гарри не чувствовал сырости и не ощущал ледяных ванн, которые ему приходилось принимать. Каждый дюйм воды был мягким и теплым, как объятие. Он никогда раньше не чувствовал объятий, но был уверен, что это близко. Он погрузил лицо под воду, и кристально-золотистая жидкость даже не расплескалась. Он не боялся дышать и позволил жидкости стечь в легкие, как во сне. Его тело расслаблялось все больше и больше. Глубоко внутри, в груди, он почувствовал, как что-то ослабевает. Из него во все стороны – из рук, ног, кожи – начали выходить нити. Его глаза светились зеленым, как у матери, и золотистое сияние усиливалось, когда каждая его часть начала издавать странные звуки. Он слышал пение, хотя чувствовал, как трещит его череп. Его язык ощущал вкус солнечного света, а спина выпрямилась и начала вытягиваться. Перед глазами Гарри мелькали размытые картины: люди, которых он знал не понаслышке, обнимали и окружали его. Он выпустил в водоем все больше и больше зеленого света, отчего золотистая жидкость вздулась и углубилась, а края бывшего

кратера расширились и поглотили еще больше травы, в то время как золотое озеро начало расширяться вдаль. Это могла быть целая жизнь, и Гарри было все равно. Он никогда не знал того, чего ему не хватало. Это была любовь, глубокая и плавная. И он случайно нашел место для нее внутри себя. Его улыбка могла бы нарисовать солнце. Внутри шкафа распространялось мягкое зеленое свечение. Местами оно казалось темным, так как тело, которое оно покрывало, скручивалось и разворачивалось. Ужасающие звуки были едва слышны, громкий треск ломающихся костей пронзал ночь. Фрагменты рассасывались, мышцы срастались, кожа регенерировала. Шрамы начали затягиваться, а маленькие кусочки вбитого стекла и грязи выходили наружу. Когда дергающееся тело, казалось, впитывало зеленое сияние, самым странным было лицо мальчика, наполненное спокойствием и слезами. Начинаясь новый день, и, к счастью, Вернон Дурсли не собирался выпускать "уродца" из-под своего наказания. Каждый раз, когда он смотрел на ребенка, казалось, что внутри него поселяется что-то злое, выглядывающее из-за этих глаз. Даже Петунья не могла этого объяснить, но иногда, когда мальчик смотрел в его сторону, она чувствовала вторую пару глаз, полных злобы. Хуже всего были провалы в памяти. Стоило этому дьявольскому ребенку взглянуть в глаза Вернона, как все вокруг становилось черным. Большие красные глаза смеялись над ним. Когда он приходил в себя, на его руках была кровь, а на полу - куча тряпья: "Урод". Он никогда в жизни не был так напуган. Он был обычным человеком, который работал, помогая другим делать буры. Насилие никогда не было вариантом, пока этот Урод не появился на его пороге.

<http://tl.rulate.ru/book/100793/3988417>